

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

Т. Г. Михальчук (Могилев)

В художественной литературе 20-х годов сохранились «в неприкосновенности старые традиции *изображения* *мещанского просторечия* и вообще речи (без учета происходящих в ней изменений) «низших слоев населения» (Винокур, 1968, 77).

В этом отношении показательна речевая характеристика рассказчика и персонажей рассказов М. Зощенко.

Речь городских мещан представляет собой конгломерат форм вежливых, этикетных и грубых, просторечных, жаргонных, диалектных и заимствованных из других языков.

Характер такой пестрой речи образовался исторически: до революции - стремлением мещан позаимствовать у правящих эксплуататорских классов их образ жизни, их речевые манеры, а в советское время - перенять у политически грамотных, образованных интеллигентов новые слова и выражения, имея при этом крайне низкий уровень сознания, обремененного вековыми предрассудками, невежественностью, невоспитанностью.

После Октября в речь мещан проникли советские апеллятивы (товарищ, гражданин), политические и общественные термины. В рассказах М. Зощенко употреблялись новые обращения в необычных для нашего времени сочетаниях: *товарищ дядя*, *товарищ деверь* (т. е. характерна экспансия слова *товарищ* на сферу родственных отношений): Кондуктор вытер лоб рукавом и вдруг позвонил. - Сойдите, товарищ дядя, - официально сказал племянник. (Не надо иметь родственников, 99). Наряду с новыми наименованиями в одной реплике и в репликах диалога использовались грубые просторечные формы, разговорные слова и выражения, например: А деверь, паразит, отвечает: - Об чем, говорит, речь. Таким, говорит, гостям прямо морды надо арбузом разбивать.

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю: - Мне, говорю, товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, говорю, товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом

разбивать. И вообще, говорю, чай у вас шваброй пахнет. (Зощенко, *Стакан*, 89).

О подобных речевых формах Б. А. Ларин писал: «Когда называют «арго» или жаргоном неумелое употребление литературного языка, неполное им овладение в промежуточных группах городского населения (как, например, у некоторых героев Зощенко), то делают по меньшей мере терминологическую ошибку. Ряд индивидуальных языковых неологизмов (в результате смешения основного для данного лица диалекта со вторым, мало ему известным) не может быть признан, конечно, ни самостоятельной лингвистической системой, ни «арго», так как в этом случае нет никакой «условности», обобщественности и, главное, нет дублирования терминов, второго языкового рода. Эти индивидуальные неологизмы по большей части незаменимы, выражают в наметке какие-то смысловые новообразования и могут послужить источником пополнения арго, как и литературного языка, но не относятся ни к тому, ни к другому. (Ларин, 1928, 71).

Вместе с новыми этикетными формами в речи мещан встречаются и устаревшие: Так вот, *извольте видеть*, было это в небольшом городе. (Административный вопрос, 117).

В русском языкознании принят термин «просторечие», точное определение которого затруднительно не только из-за недостаточной изученности, но и из-за большой внутренней расплывчатости и неопределенности. Его верхней границей оказывается литературная речь, а нижней - диалекты, но и та и другая границы подвижны и изменчивы в зависимости: а) от исторического периода, б) от особенностей конкретных языков (в русском языке с его относительной близостью диалектов в просторечии территориальная вариантность проступает сравнительно слабо), в) от социальных различий среди носителей просторечия (отсюда различные уточняющие определения: городское просторечие, мещанское просторечие, интеллигентское просторечие и т.д.). (Баранникова, 1970, 20).

В. В. Виноградов указывал на то, что «в первые годы революции низовой язык городских масс хлынул в литературную речь, прорвав запруды буржуазной «литературности». К эпохе революций основное ядро низового городского языка состояло из стилей устной речи, свойственных мелкой буржуазии; мелкому служилому люду, рядовым чинам армии и рабочим. К этому просторечию были близки разные арго (например, арго деклассированных), снабжавшие живой язык города экспрессивными словечками, выражениями и оборотами. Армия, моряки и рабочие явились главными проводниками этих токов низовой городской речи в литературный язык первого периода революционной эпохи. (Виноградов, 1978, 64). В. В. Виноградов отмечал, что и в более поздний период в области городского просторечия еще были заметны диалектные различия.

Приведем примеры использования просторечных этикетных форм в рассказах М. Зощенко: Но после сел у своего окна и говорит: - *Извиняюсь, все-таки*. Мы не знали, что это ваша преподобная мамаша. (Гримаса нэпа, 172). - Спасибо тебе, Иван Кузьмич, за советы. Мне, конечно, теперь сильно полегчало. *Чувствительно спасибо. До свиданьяще*. (Пациентка, 21). Ср. «Пожелание» в монологе (разговорно-просторечная форма): Фёкла Тимофеевна, *пущай ей будет полное здоровье и наилучшие*, развязала косынку и, развязавши, стала свободно размышлять на торговые темы. (Веселенькая история, 181). (Приветствие): Вхожу в калупу. - *Вздравствуйте*, говорю, ваше высокоблагородие, и *вздравствуйте, пожалуйста*, прелестная: полячка Виктория Казимировна. (Великосветская история, 47).

Отображением реального являются стилистические смешения и противопоставления, а именно: сочетание в репликах диалога книжных и просторечных элементов, литературных и нелитературных форм, ласкательно-оценочной и фамильярно-иронической лексики, например: ситуация «Просьба»: - Это, - кричит, - чья свинья? Будьте любезны ее ликвидировать. (Административный вопрос, 118).

Ситуация «Встреча», «Представление» - Хозяин с каким-то радостным воплем встречал гостей в прихожей, помогал снимать шубы и волочил приглашенных в гостиную. - Вот, - говорил он, представляя гостя своей жене, - вот мой лучший друг и сослуживец. Потом, показывая на своего сына, говорил: - А это, обратите внимание, балбес мой ... Лешка. Развитая бестия, я вам доложу. (Хозрасчет, 131).

В монологе героя рассказов М. Зощенко имеется масса штампов из газетных и других стилей. М. Зощенко широко использует их в целях сатирического изображения бедного в творческом отношении языка рассказчика. (Брякин, 1981, 22). Так, в рассказе «Обезьяний язык» писатель находит пародийные формы согласия-несогласия, лексически выраженные суррогатным канцелярским языком: - Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... *А мне как-то они ближе*. Все как-то, знаете, выходит в них минимально и по существу дня. Хотя я, прямо скажу, последнее время *отношусь довольно перманентно* к этим собраниям. Так, знаете, *индустрия из пустого в порожнее*. - Не всегда это, - возразил первый. - Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то - да, индустрия конкретно. - Конкретно фактически, - строго поправил второй. - Пожалуй, - согласился собеседник. *Это я тоже допускаю*.

В репликах приведенного диалога смешиваются общественно-публицистическая лексика, деловые штампы (*товарищ, пленарное заседание, по существу, с точки зрения*) с просторечными и разговорными формами: (*небось, отсюда, допускаю, прямо скажу*). *Индустрия из пустого*

в порожнее - удачная авторская формулировка, замаскированная в словесном шлаке малокультурных собеседников. Ср. формы согласия-несогласия, они также даны с разной стилистической окраской: ...*не одобряете, отношусь довольно перманентно; не всегда это* (несогласие). *Пожалуй. Это я тоже допускаю. А мне как-то они ближе* (согласие).

О нелитературных формах, используемых в речи рассказчиком и персонажами рассказов М. Зощенко, писал В. В. Виноградов: «С точки зрения литературного языка такие формы, если освободиться от их социальной оценки, сопровождаемой грустью, и встать на эстетическую точку зрения, уже непосредственно осмысляются в каламбурном комическом плане. (Виноградов, 1928, 15).

Особое значение в рассказах М. Зощенко имеют жаргонизированные каламбурно-переосмысленные формулы этикета, например, согласия: Немчик головой лягнул, дескать, *битте дритте, пожалуйста*, заберите, об чем разговор, жалко, что ли (Качество продукции).

Речь персонажей рассказов насыщена к месту и не к месту заимствованными этикетными формулами, иногда они дублируют русские формулы. «Благодарность»: - Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу. - *Мерси*, говорит. (Аристократка, 45). Ситуация «Прощание», «Просьба» - Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банчику: - *Гут бай*, дескать, присмотри. (Баня, 104). «Извинение»: Передовой ихний товарищ Мишка нагнулся над столом и тоже, знаете, заметно трясется от хохоту. - *Извинюсь*, - говорит, - *пardon*, что над вами подшутили. (Муж, 140).

В диалогах происходит незаметное для самого говорящего столкновение вежливых этикетных литературных форм с грубыми просторечными, например: Чего это ты, *скажи, пожалуйста, приперся* с собаками? (Чертовинка, 55). Вот после революции ребята мне и говорят: - У нас полковой врач *такая, извините, холера*, что никому почти освобождения не дает... (Какие у меня были профессии, 206).

После Октября «слова военного языка, количество которых не ограничивается, стали звучать в устах представителей самых разнообразных слоев населения». (Баранников, 1919, 73). По наблюдениям А. М. Селищева, после победы Великой Октябрьской социалистической революции военная лексика в переносном значении из речи революционера перешла в общее употребление. Военные термины «стали употребляться часто не только для явлений военного значения, но и для явлений партийной, общественной и культурной жизни». (Селищев, 1928, 86-87).

М. Зощенко применяет прием использования военно-уставных форм в функции согласия в бытовых ситуациях или юмористическое «разыгрывание подчиненности», например: Сидят они на лужку и

в картишки играют. - В козла, что ли? - спрашиваю. - *Так точно*, - говорят, - в козла. (Чудный отдых).

Широко отражено писателем «отрицание через экспрессивное сравнение» (ситуация - «Мотивированный отказ»): Просим и умоляем, показываем союзные книжки - Не пушают... *Это, говорит, - не девятнадцатый год - в пальто сидеть.* (Прелести культуры, 165).

В рассказах М. Зощенко встречаются и фразеологизированные этикетные выражения, такие, как: извините за сравнение (за выражение, за вопрос, за беспокойство), например: - От какой же, - спрашиваю, болезни? *Извините за нескромный вопрос.* (Жених, 92). После судьба кидает меня в разные стороны - туда и сюда, как, *извините за сравнение*, скорлупу в бурном море. (Какие у меня были профессии, 207). А я говорю: - Не в деньгах, гражданка, счастье. *Извините за выражение.* (Аристократка, 85).

Иронично-оценочными, омонимичными являются фразеологизированные выражения: *еще спасибо* (в значении *спасибо богу*, еще хорошо, а то хуже могло быть); ну, *спасибо!* (с интонацией обиды, горечи, злости): Папин начальник сказал: - Еще спасибо, что они мне в чай масло положили. Они могли бы дёгтю влить. (Золотые слова).

- Ну, говорю я себе - спасибо, Катерина Васильевна, без ножа вы меня режете. Не вовремя помирать решили. (Жених, 92). Ср.: - Вот тебе, - говорю, - *здравствуйте*. Как, говорю, понимать ваши слова? (Опасные связи, 228). («Здравствуйте» - употребляется не в качестве приветствия, а как «несогласие» с оттенком удивления, возмущения).

Ср. *шутливый итог, вывод*: Да и носочки, наверно, он носит теперь более аккуратно. *С чем и поздравляем его*, ежели это так. (Операция, 170).

Представляет интерес ситуация «Встреча. Приветствие». Здесь также употребляются готовые приветствия-фразеологизмы: Поклонился я низенько - *Чай*, - говорю, - *вам да сахар!* (Чертовинка, 51). - Здравствуйте, - говорит, - Анися Васильевна. *Сколько, говорит, лет, сколько зим не виделись с вами...* (Пациентка, 102). - Ну, - закричал Тимофей Васильевич, - Серёга! *Ты ли это, друг ситный?* (Не надо иметь родственников, 97).

Несуразные, неуместные ситуации этикетного разрешения, благодарности, извинения и другие создают юмористический эффект: Хозяин до него обращается *по-гранцузски*: - Извиняюсь, - говорит, - может, вы чего-нибудь действительно заглotalи несъедобное? (Иностранцы, 185). *Рост у меня, извините, мелкий, телосложение хлипкое.* (Муж, 139). - Откуда, - говорю, - ты, гражданка? Из какого номера? - Я, - говорит, - из седьмого. - *Пожалуйста, - говорю, - живите.* (Аристократка, 83).

Этикетные формы используются не по назначению. Например, формула «будьте любезны» обычно применяется в ситуации «Просьба» (будьте любезны, помогите мне). Эта формула употребляется персонажем Зощенко как извинение (вежливый отказ): Подхожу к аппарату. Звоню срочно. - Алло, - говорю, - барышня, дайте в ударном порядке уголовный розыск. Обкраден, говорю, вчистую. Барышня говорит: - *Будьте любезны - занято.* (Телефон, 161).

Отличительными чертами разговорной речи 20-х годов являются: неприятие дореволюционной интеллигенцией молодежного жаргона; неприятие молодежью изысканно вежливой речи интеллигенции; ироническое отношение к использованию книжных языковых средств в речи персонажей; непонимание некоторых политических терминов народом и их неприятие; несогласие с обращением как непосредственная оценка стилистической нормы в ее социальном осмыслении. Все эти процессы отразила художественная литература.

Языковой навик людей, чья молодость прошла в дореволюционные годы, был значительно резче дифференцирован социально и территориально и, следовательно, стилистически. (Винокур, 1977, 315). Дореволюционная интеллигенция, по мнению Т. Г. Винокура, преимущественно изображалась в нарочито изысканной (так сказать, с «гипертрофией вежливости») или восторженно-возвышенной манере, должествующей подчеркнуть ее отличие от демократического характера речи молодого поколения. (Винокур, 1968, 77).

Действительно, это характерно для персонажей произведений К. Тренёва, Л. Сейфулиной, Б. Лавренёва, Вс. Иванова, В. Биль-Белоцерковского и других писателей. Приведем пример из произведения Вс. Иванова: - *Весьма благодарен* за лестное сообщение легенды, запишу немедленно. - *Весьма рад*, что вы согласились. Я так и предполагал. (Иванов, Возвращение Будды, 140).

Молодые люди не принимали изысканную утонченную речь старшего поколения интеллигенции, например: - Прошу вас, извините меня, но я вынужден задать вам вопрос: с кем имею честь... Девушка внимательно посмотрела ему в лицо: - Разве так еще говорят: «Имею честь?» Знаете что? Хоть у вас и расстегнутый воротник, вы, все-таки, кажется, очень буржуазный. (Сейфулина, Налёт, 386).

Ср. у М. Зощенко - Ситуация «Ответ на комплимент»: «Современная молодая женщина не любит, когда ей говорят уменьшительные слова. Она не любит, когда ей говорят: «ротик», «ручки», «ножки». Она на это сердится. И даже, я так думаю, через это может разрыв произойти. Одна особа мне так и сказала: - Какие, к черту, ножки. Я, говорит, сорок первый размер береток ношу, а вы, говорит, все свое. Подлец вы, говорит, а не человек. Вы, говорит, своей дурацкой чувствительностью мне жизнь губите. Откровенно вам сказать, я даже опешил от таких слов. Она говорит: - Это, говорит, - в прошлое время избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие

сентиментальности. А я, говорит, плюю на таких мужчин, как вы». (Зощенко, Опасные связи, 227).

Оппозиция этикетных манер была устойчива постольку, поскольку сохранились представители прошлого: [Штубе:] (негодующе) Евгений Иванович! Я не понимаю. - [Берсенев:] (резко) Разреши мне разговаривать так, как я нахожу нужным. Я старше тебя по чину, по годам, и не тебе меня учить. (Лавренев, Разлом, 479).

Со временем эти два разных полюса (речь старой интеллигенции и язык комсомольцев 20-х годов) соприкоснутся. Речь комсомольцев более или менее «обынтеллигентится», а в речь интеллигенции проникнут новые слова и выражения. Л. В. Щерба отмечал: «Опыт нашей революции показал, что резкое изменение языкового материала неминуемо влечет изменение речевых норм даже у пожилых людей: масса слов и оборотов, несколько лет тому назад казавшихся дикими и неприемлемыми, теперь вошла в повседневное употребление. (Щерба, 1974, 29). Язык произведений М. Зощенко - яркое подтверждение этому.

Юмористическое описание ситуаций речевого этикета в рассказах М. Зощенко - это своеобразный «справочник» по тому, как надо и нельзя себя вести. Фигичм современникам было бы полезно почаще заглядывать в этот «справочник».

Литература:

- БАРАННИКОВ, А.: Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. В: Ученые записки Самарского университета. Вып. 2-й, Самара, 1919.
- БАРАННИКОВА, Л. И.: О социально-исторической обусловленности развития русской разговорной речи. В: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовского университета, 1970.
- БРЯКИН, В.: Речевые средства создания комического в сказе (на материале рассказов М. Зощенко) - Автореф. дис. канд. филол. наук. -М., 1981.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: Основные этапы истории русского языка. В: Избранные труды. История русского литературного языка. М., Наука, 1987.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: Язык Зощенко. В: Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л., 1928.
- ВИНОКУР, Т. Г.: Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. В: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., Наука, 1968.
- ВИНОКУР, Т. Г.: Функциональная и социальная характеристика свойств высказывания в современном русском языке. В: Социаль-

ная и функциональная дифференциация литературных языков. М., Наука, 1977.

ЛАРИН, Б. А.: О лингвистическом изучении города. В: Русская речь, Вып. 3, Л., 1928.

СЕЛИЩЕВ, А. М.: Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926 гг.). - М., Работник просвещения, 1928.

ЩЕРБА, Л. В.: О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В: Щерба Л. В., Языковая и речевая деятельность. Л., Наука, Ленинградское отделение, 1974.

Источники:

ЗОЩЕНКО, М.: Рассказы. Фельетоны. Повести (1923-1956). Минск. Высшая школа, 1979.

ЗОЩЕНКО, М.: Рассказы. Фельетоны. Повести. Избранное в 2-х томах. Минск, Народная асвета, 1983.

ИВАНОВ, Вс.: По Иртышу (рассказы, повести, воспоминания). - Омск: Омское книжное изд-во, 1982.

ЛАВРЕНОВ, Б.: Разлом. В: Пьесы советских писателей. Т. I, М., Искусство, 1953.

СЕЙФУЛИНА, Л.: Повести и рассказы (1920-1924 гг.). Собр. соч., Т. I, М., Художественная литература, 1968.